
Стулья звёзд — царапающие небо ножки,
расставляются чинно вокруг ковша
всякий раз, когда разлучается с телом душа
незаметной — в масштабах вселенной — сошки,
и на матовый пол из гранитной крошки
проливается свет для ручного мыша
седоватой земли, что гоняет юрко
под ногами тень от солнечного окурка.

Степь была подвернута, как брючина
Над велосипедной цепью
ЮЖД. Чтоб худшее и лучшее,
Что могло произойти со степью,
Вдруг не затянуло этой цепью
В зубья непредвиденного случая.

Мы стояли. Тесное сожительство
Порождало чувство разобщённости.
Поминутно слышалось: «Решительно,
Расстоянье — больше продолжительность,
Нежели мерило протяжённости».
Вот цикады — это расстояния!
В каждом километре насекомые,
Став величиною постоянною,
Составляют длительность искомую...

Тронулись! И, слушая кузнечиков
Тиканье (не глядя на деления!),
Думали, что станет мерить нечего
Стыками по мере удаления.

Но и в речи временных попутчиков
Расстоянье двигалось саженьями,
Точно болтовня или задумчивость —
Лучший способ для передвижения.

Время стрекотало — к вящей выгоде
Поезда, шагающего по степи,
Обучая тепловозный двигатель
Мягкой поступи.

Звезда скрипит, как половица,
когда ступаешь на неё
тяжёлым взглядом, чтоб спуститься
в свое подземное жильё.

Когда в природе всё впритирку
и остается лишь зазор, —
снимать подзольную квартиру,
сносить достойно свой позор.

вот дом кирпичный с окнами
двенадцать дробь один
и одеялом стёганым
на нём — стекла ватин

как одеяло ватное
с просушенным стеклом
висит окно квадратное
лежит окно квадратное
над кухонным столом

балкончик в форме гробика
и площадью — с надел
земельный для коробленья
окончившихся тел

балкончиком закончится
пожизненный метраж —
стоящий на обочине
строения он вотчина
отчет и Отче наш

как сталинскому соколу
подрезали крыла
когда балконы с цоколя
рука судьбы снесла

переносили ангелы
балконы на фасад
и часовые анкеры
считали дни назад

но ты вдыхаешь тление
и пепельный поташ
летит на площадь Ленина
не тратя остекления
на цокольный этаж.

Большой теннис

1

Гробовщики нам делают ракетки.
Могильщики укатывают грунт.
Пока мячи, срываемые с ветки,
содержат лишних несколько секунд.
Понятно, что любое промедленье
подобно смерти. Лишь диагональ
проходит в наибольшем удаленье
от линии, вгрызающейся в даль.
Вращающийся мяч взбивает воздух
до света невечернего. И счёт,
ведущийся с начала 90-х,
уже помимо времени течёт.

2

Деревянных ракеток сухие мощи
атеисты жгут на заднем дворе.
Дорогой инвентарь позволяет проще

выполнять элементы технические в игре.
Можно душу вложить — только мяч подбросьте, —
подавая навылет. А, впрочем, дым
странно щиплет глаза, разъедая кости
моим святым.

3

На ракетке распятый языческий мячик,
словно благоразумный разбойник, нам дорог.
Путь к спасению начат
со счёта 0–40.
Дабы каждый мог ощутить в неполных
10 лет, что надежда на сет не угасла.
И наполненный семечками подсолнух
при ударе становится маслом.
Взяв подачу соперника, можно слышать,
поднося ее к уху, что твой наutilus,
как судьба поединка надеждой дышит
там, где место освободилось.
Чтоб в конце предательски искривился
и поехал, лопнув, значок омеги
на поверхности струнной ракетки Wilson...
Ну, какие из нас стратеги?

4

Пусть вся земля есть общая могила,
особое покрытие площадок
грунтовых позволяет тратить силы
последние с оглядкой на пощадку.
В основе настилающейся глины,
кирпичной крошки и ещё чего там —
волнистая обшивка цеппелина,
летающего в небе по субботам.
И мы, как черти, носимся по корту
и боремся с подъемной силой ветра,
перегоняя пламя из аорты
в уретру.

Не нарушающий норм бытового комфорта
звук, доносящийся с теннисных кортов,
может принадлежать рождающейся вселенной —
гулкий хлопок, шипенье в горелке ацетилена,
снова хлопок и так до окончания века:
сварка краёв, в которую втянуты два человека.